

© 1993 г. МАРОЕВИЧ Р.

НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ СЕРБСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

(О соотношении сопоставительной лингвистики и теории перевода)

Сопоставительное изучение иностранного и родного языков, т.е. сопоставление двух языковых систем на синхронном уровне, исключительно важно для теории перевода. Сопоставительный метод предполагает установление функционально-смысловых эквивалентов с помощью одинаковых или различных грамматических категорий. При этом исходным может быть как иностранный, так и родной язык. В первом случае сопоставительное изучение является базой для теории и практики перевода с иностранного языка на родной, а во втором — с родного на иностранный. В данной статье будет показано соотношение сопоставительного метода изучения двух языков и теории и практики перевода с одного языка на другой на примере перевода русских неопределенно-личных предложений на сербский язык¹.

1. Неопределенно-личные предложения — это предложения без подлежащего. Роль сказуемого выполняет глагол в 3 л. мн. числа: *Строят новый завод*. Поскольку в русском языке во мн. числе прошедшего времени глагола не различается лицо, для всех лиц выступает единая форма: *Принесли письмо*.

В академических грамматиках русского языка неопределенно-личные предложения определяются по-разному. В самой ранней из них, под ред. В.В. Виноградова и Е.С. Истриной, говорится о том, что сказуемое этих предложений "обозначает действие, совершаемое неопределенными лицами" [1, с. 5]. Далее указывается, что в неопределенно-личных предложениях "обозначаемое глаголом действие обычно относится к неопределенному множеству лиц. Но иногда в неопределенно-личных предложениях форма множественного числа относится не ко многим, а к одному неопределенному лицу" и что в этих предложениях "лица могут быть не названы потому, что они известны собеседникам" [1, с. 6]. А в примечании сказано: "некоторые предложения, являясь по форме неопределенно-личными, обозначают действие одного определенного, конкретного лица. Такое значение неопределенно-личного предложения выясняется из последующего предложения или из более широкого контекста" [1, с. 7].

В следующей грамматике, изданной в одном томе под ред. Н.Ю. Шведовой, неопределенно-личные предложения ("структурная схема Vf_{3p} ") определяются как предложения, которые "обозначают действие неопределенно мыслимого лица" [2]. Примеры, которые предшествуют этому определению и иллюстрируют его, могут означать "действие лица, мыслимого как неопределенное". Наиболее типичные семантические реализации подобных предложений:

Стучат.

— *Неко куца* (одно лицо).

Идут.

— *Иде* (одно лицо).

— *Иду* (несколько лиц).

Звонят.

— *Неко звони. Неко телефонира*
(одно лицо).

Тебя спрашивают.

— *Тебе питам.*

¹ От редакции. Автор употребляет термин "сербский язык" вместо "сербскохорватский язык".

— *Напољу неко галами* (слышится один голос).

— *Напољу неко галами* (слышится несколько голосов).

Когда мы впервые писали о неопределенно-личных предложениях и о проблемах их перевода, то подчеркивали, что ни одно из двух вышеприведенных определений не является вполне точным и не охватывает все реализации предложений этого типа. Первое определение ("означают действие, совершаемое неопределенными лицами") не охватывает случаи, когда действие производит одно неопределенное лицо (такие случаи потом приводятся как исключения), а второе ("обозначают действие неопределенно мыслимого лица") — те случаи, когда действие производится несколькими неопределенными лицами. За рамками этих определений остаются и те предложения, в которых субъект действия — определенное, конкретное лицо. Поэтому мы использовали тогда следующее рабочее определение: "Неопределенно-личные предложения — это такие предложения, в которых не назван субъект действия, так как он неизвестен, неопределен, обобщен или определен и известен, но отодвинут на второй план, чтобы подчеркнуть действие как таковое" [3].

Несмотря на некоторые недостаточно аргументированные критические замечания², наша коррекция определений неопределенно-личных предложений в академических грамматиках оказалась оправданной. Лучшим доказательством научной оправданности критики обоих определений, а также введения рабочего определения является новейшая грамматика АН СССР (1980 г.), в которой, как и в грамматике 1970 г., автором главы о неопределенно-личных предложениях, а также ответственным редактором является Н.Ю. Шведова. Семантическая структура неопределенно-личных предложений ("однокомпонентные предложения типа *Стучат; Зовут*") на этот раз описана гораздо детальнее и точнее:

«Семантика схемы — "наличие отнесенного к неопределенному субъекту действия или процессуального состояния". Это значение конкретизируется в предложении. Специфика субъекта здесь состоит в том, что это или "вообще всякий, любой", или "кто-то (некто)", или "некоторые". Поэтому такие предложения называются неопределенно-личными. Характер субъекта выясняется из контекста. Кроме того, в условиях конситуации неопределенность субъекта может сниматься и субъект может мыслиться говорящим как вполне определенный, данный (например, в сообщении о приходе того, кого ожидают: *Пришли*)» [6].

Если сравнить наше рабочее определение с процитированным фрагментом новейшей академической грамматики, становится ясно, что все наши замечания, высказанные в 1976 г., в основном учтены в развернутом определении "Русской грамматики" 1980 г.:

1) вместо понятия "неопределенно мыслимое лицо" (относящегося к ед. числу) вводится понятие "неопределенный субъект действия или процессуального состояния" (относящегося и к ед. и ко мн. числу);

2) указывается, что субъект (= производитель действия) может быть обобщенным: "вообще всякий, любой";

3) указывается, что субъект может быть одним неопределенным лицом: "кто-то, некто";

² Бр. Чович [4, с. 122—126] сделал попытку доказать, что различия между двумя определениями в академических грамматиках нет и что некоторые моменты нашего определения "неверны" (что в неопределенно-личных предложениях не назван субъект действия, что субъект действия может быть обобщенным, что субъект действия может быть определенным и известным, но отодвигается на второй план, чтобы выделить само действие). В отдельной статье [5] мы доказали, что замечания Човича абсолютно необоснованны.

4) указывается, что в роли субъекта могут выступать несколько неопределенных лиц: "некоторые";

5) указывается, что субъект может быть полностью определенным, конкретным, известным: "вполне определенный, данный";

6) указывается на значение контекста для выяснения семантики субъекта, т.е. производителя действия.

Терминологическая разница между нашим рабочим определением и этим развернутым определением академической грамматики состоит в следующем. Мы оперируем термином "производитель действия" ("вршилац радње"), а авторы "Русской грамматики" (1980) — термином "субъект действия или процессуального состояния". В сербской грамматической традиции под термином "субъект" подразумевается подлежащее, в то время как в русской грамматической традиции термины "подлежащее" и "субъект" разграничены: первый является термином формально-грамматического анализа ("грамматички субјекат"), а второй — термином логико-семантического анализа ("логички субјекат", "семантички субјекат").

2. Разное семантическое наполнение одной и той же структурной схемы — основная характеристика неопределенно-личных предложений. Формально одинаковая структурная схема (глагол в форме 3 л. мн. числа) может иметь следующие семантические реализации:

а) Субъект действия — неопределенные лица (3 л. мн.ч.):

(1) *В клубе пели и плясали.*

б) Субъект действия — одно неопределенное лицо (3 л. ед.ч.):

(2) *Тебя зовут к телефону.*

в) Субъект действия неопределенен также и в отношении грамматического числа — нельзя установить, одно ли это лицо или несколько (3 л. —):

(3) *Из кустов стреляли.*

г) Субъект действия — сам говорящий (1 л. ед.ч.):

(4) *Не хочу я, говорят тебе! — возразила Настенька.*

д) Субъект действия — определенное лицо (3 л. ед.ч.):

(5) *Она была дома. Он велел доложить о себе: его тотчас приняли.*

е) Субъект действия — конкретное лицо, однако мыслимое неопределенно:

(6) *И ты знай: пока я жива, у тебя есть место, где тебя ждут, всегда ждут.*

ж) Субъект действия может быть обобщен до такой степени, что сказуемое только указывает на действие, которое (реально или потенциально) привязано к какому-либо месту:

(7) *Здесь продают билеты на концерты.*

з) Представление о субъекте действия может быть отодвинуто на второй план настолько, что сказуемое в сущности выражает действие, которому кто-либо подвергается:

(8) *Его убили на войне.*

и) Представление о субъекте действия может быть совершенно вытеснено, так что глагольная форма выражает значение существительного с глаголом-связкой:

(9) *Как тебя зовут? — Меня зовут Сергей Александрович.*

Всем этим список семантических реализаций структурной схемы Vf_{3pl} не исчерпывается. В роли субъекта действия может выступать говорящий вместе с другими лицами (1 л. мн.ч.), определенные, известные лица (3 л. мн.ч.) и т.д. Иногда только в контексте можно определить, является ли субъектом действия одно или несколько лиц. Так, предложение:

(10) *Иди скорее, тебя ждут.*

может означать, что ждет одно лицо (он или она) или несколько лиц (они).

3. Неопределенно-личные предложения существуют и в сербском языке, но являются менее употребительными. М. Стеванович определяет их как "пред-

ложения с неопределенным субъектом", в которых "подлежащим могло бы быть *људи*, или субстантивированное прилагательное *извесни*, или неопределенное местоимение *неки*" [7]. Субъект действия в этих сербских предложениях — неопределенные лица (3 л. мн.ч.), к этому в основном сводится их семантический диапазон в рамках литературного языка:

(11) *Причају да је то давно било.*

В сербских неопределенно-личных предложениях существуют ограничения и в отношении сказуемого. Это, как правило, глаголы говорения и письменного сообщения (*пишу, говоре, кажу* и т.п.) [7].

Гораздо более продуктивными в сербском языке являются неопределенные безличные конструкции, соответствующие русским неопределенно-личным предложениям. Роль сказуемого в таких предложениях выполняет глагол в 3 л. ед. числа ср. рода и возвратная морфема *се*:

(12) *У клубу се певало и играло.*

Эти предложения также указывают на то, что действие совершается несколькими неопределенными лицами (3 л. мн.ч.). Но это не единственное их значение. Субъектом действия может быть сам говорящий (1 л. ед.ч.):

(13) *Дођи, кад ти се каже!*

Как видно из приведенных примеров, русские неопределенно-личные предложения по своему значению и употреблению гораздо шире, чем сербские предложения с неопределенным субъектом. Поэтому в ряде случаев русским неопределенно-личным предложениям в сербском языке соответствуют только личные предложения.

Если субъектом действия является одно неопределенное лицо (3 л. ед.ч.), в сербском языке выступает личная конструкция с неопределенным местоимением:

(14) *Неко (неки човек; нека жена) те зове преко телефона.*

В этом значении в русском языке тоже существует личная конструкция с неопределенным местоимением, но она употребляется в качестве синонима неопределенно-личного предложения:

(15) *Вам кто-то звонил. — Вам звонили.*

Личная конструкция с неопределенным местоимением употребляется в сербском языке также в случае, если субъект действия неопределен в отношении грамматического числа, т.е. если нельзя установить, одно это или несколько неопределенных лиц (3 л. —):

(16) *Из жбуља је неко пуцао.*

При обобщенном субъекте, когда сказуемое указывает на действие, которое (реально или потенциально) привязано к какому-то месту, а также имеет дополнение, в сербском языке употребляется личная пассивная конструкция:

(17) *Овде се продају карте за концерт.*

В русском языке личная пассивная конструкция в этом значении синонимична неопределенно-личному предложению:

(18) *Здесь продают билеты на концерты.*

— *Здесь продаются билеты на концерты.*

Неопределенно-личная форма в русском языке употребляется независимо от того, имеет ли глагол дополнение или нет:

(19) *Здесь много строят. — Строят новый завод.*

В сербском языке, если глагол употребить без дополнения, мы получим неопределенную безличную конструкцию, а при наличии дополнения — личную пассивную конструкцию:

(20) *Овде се много гради. — Гради се нова фабрика.*

Если в роли сказуемого выступает глагол совершенного вида без дополнения, в сербском языке употребляется безличная конструкция с кратким страдательным причастием прош. времени в форме ср. рода и безличной формой глагола-связки в сказуемом:

(21) *Наложено ми је да вас дочекам.*

В русском языке в этом случае в качестве синонимичных конструкций употребляются неопределенно-личное и безличное предложения:

(22) *Мне поручили встретить вас.*

— *Мне поручено встретить вас.*

Если субъектом действия является определенное, конкретное лицо, не называемое потому, что из контекста ясно, о ком идет речь, в сербском языке употребляется личная активная конструкция с реальным субъектом действия. (Примеры мы приведем, когда перейдем к анализу перевода неопределенно-личных предложений.)

При помощи метода сопоставления грамматической категории одного языка (русских неопределенно-личных предложений) с эквивалентными грамматическими конструкциями другого (сербского) языка мы пришли к выводу, что их соотношение очень сложно. Указанным русским предложениям в сербском языке соответствуют в одних случаях такие же неопределенно-личные предложения, в других — особые безличные конструкции, а в третьих — личные предложения разных типов.

4. Изложенный выше обзор вариантов значения и употребления русских неопределенно-личных предложений и их сербских эквивалентов послужит нам основой для анализа собственно проблем перевода. Мы постараемся показать, как переводчики пытаются передать форму русских неопределенно-личных предложений даже в тех случаях, когда в языке перевода такие конструкции не употребляются. Напомним, что неопределенно-личные предложения в сербском языке используются в том случае, если субъектом действия являются несколько неопределенных лиц и, как правило, если глагол относится к определенной семантической группе (глаголы говорения и письменного сообщения).

В качестве иллюстрации проблем перевода, возникающих при переводе конструкций этого типа с русского языка, нам послужат примеры переводов художественной прозы, выполненные разными переводчиками, а затем мы проанализируем отрывок из воспоминаний В.Б. Шкловского о последних днях Александра Блока и его сербский перевод.

Неопределенно-личные предложения в русском языке очень часто указывают на действие конкретного лица, легко определяемого из контекста (3 л. ед.ч.). А переводчики столь же часто сохраняют формальную структуру, которая в новом языковом облачении не способна передать нужное значение:

Кузьма сидит небось и читает. Молодая стоит в темной и холодной прихожей, возле чуть теплой печки, греет руки, спину, ждет, когда скажут — "ужинать!" [8, с. 147].

— *Был на почте, — сказал староста. — И, конечно, писем никаких там нету, кроме одной газетки.*

— *Почему же "конечно"?*

— *Потому, что, значит, еще пишут, не дописали, — ответил староста грубо и насмешливо* [8, с. 364].

Кузма сигурно седи и чита. Млада стоји у мрачном и хладном предсобљу, поред млаке пећи, греје руке, леђа, чека да кажу — "вечера!" (перев. Н. Николича [9, с. 128]).

— *Био сам на пошти — рече староста. — И, наравно, нема никаквих писама, сем једних новина.*

— *А зашто то "наравно"?*

— *Зато што их, значи, још пишу, нису довршили — одговори староста, грубо и иронично* (перев. М. Йовановича [9, с. 368]).

В первом примере героиня ждет, что Кузьма ей велит — в форме категорического приказа — накрыть на стол к ужину, так что в переводе следовало употребить личную конструкцию с глаголом в 3 л. ед. числа: *да јој (он) каже...* А во втором примере, из повести "Митина любовь", староста знает, что Митя лихорадочно ожидает письма, и письмо это от девушки, Кати. Ориентиру-

ясь на реплику "нема никаквих писама", переводчик не только глагольную форму, но и дополнение дал во мн. числе (адекватным переводом было бы: *јочи га пише, није га довршила*).

Приведем еще два примера, в которых неопределенно-личное предложение означает действие конкретного, отдельного лица:

Теперь я приезжаю из Департамента — меня ждут, и ясный взор мне приготовлен, и теплые руки, и мягкие интонации [10, с. 480].

— *Чистов, [...] не дай соврать. Не мы ли с тобой, брат, хоронили ее осенью прошлого года? Подтверждаешь?*

— *Подтверждаю, — откликнулись из полумрака* [10, с. 374].

Сад кад долазим из министарства — чекају ме, и ведар поглед ми је припремљен, и топле руке и блага интонација [11, с. 574].

— *Чистов [...] не дозволи да се лаже. Нисмо ли је ти и ја, брате, сахрањивали прошле јесени. Потврђујеш ли?*

— *Потврђујем — одазваше се из полумрака* [11, с. 450].

Семантика неопределенно-личных предложений в приведенных примерах могла быть выражена в переводе предложениями, имеющими другую формальную структуру: *чека ме* (или: *она ме чека*), *одговори глас* (или: *одговори овај*).

В некоторых примерах неопределенно-личное значение в переводе могло быть выражено пассивной (с морфемой *се*) или безличной конструкцией (со страдательным причастием):

А новыми крупными событиями озабочено то, чего и не чаяли, — война с Японией и революция [8, с. 120].

— *Если бы тебе предложили выбор — ты осталась бы здесь?* [12, с. 175].

Отца у них убили еще раньше, в первый смутный колхозный год, и убили, говорят, случайно, целя в другого, а кто целил — не нашли [14, с. 12].

А као нови крупни догађаји испало је оно што су најмање очекивали — рат с Јапаном и револуција (перев. Н. Николича [9, с. 99]).

— *Када бих ти предложио избор — да ли би остала овде?* [13, с. 265].

Оца су им убили још раније, у првој смутној колхозној години, и то, кажу, случајно, циљајући у другог, а ко је циљао — нису пронашли [15, с. 10].

В первом примере форма мн. числа ассоциируется с конкретным субъектом, в то время как в оригинале подразумевается обобщенное значение (*оно што се најмање очекивало*). Во втором случае субъектом действия является вовсе не рассказчик (возвращение Лизы Тураевой в Москву менее всего зависит от Карновского), поэтому адекватным переводом могло бы быть: *Кад би ти било понуђено да бираш?* (или: *Кад би могла да бираш?*). А в третьем примере неопределенность следовало выразить безличной конструкцией (*није откривено*).

Последний пример интересен также тем, что в нем засвидетельствована еще одна семантическая реализация неопределенно-личных предложений (*Отца убили*). При переводе этого предложения нужно было произвести объектно-субъектную трансформацию и лексическую замену (*Отац је погинуо*). Такая замена необходима и в некоторых других случаях:

Завтра меня убьют. Я затылком чувствую [10, с. 475].

— *Вас спрашивают, — зашептал Афанасий [...] И распахнул двери* [10, с. 133].

Как его хоть звали? [14, с. 186].

Сутра ћу бити убијен. То потиљком својим осећам [11, с. 567].

— *Вас траже — зашапта Афанасиј [...] И широм отвори врата* [11, с. 156].

Како су га макар звали? [15, с. 184].

В первом примере герой высказывает предчувствие, что погибнет в предстоящем бою (*Сутра ћу погинути*). Во втором — неопределенно-личной конструкцией выражается действие одного неопределенного лица, что могло быть передано трансформированной конструкцией (*Имате посету*) или глагольной формой в ед. числе (*Вас тражи*). А в третьем примере следовало или употребить пассивную конструкцию (*Како се звао?*), или произвести объектно-атрибутивную трансформацию с заменой глагольной формы именем существительным (*Како му је било име?*).

Интересны случаи, когда неопределенно-личная конструкция указывает на конкретное лицо, однако мыслимое неопределенно:

Надо мне тебя доставить в Одессу Треба да те допремим до Одесе сасвим в полной сохранности, потому что очуваног, јер су тамо већ чули о там уже знают о твоём существовании. *Я уже проболтался про тебя* о теби једној ћудливој девојчини (перев. Н. Николич-Бобич [9, с. 317]).
одной прекапризной девчонке [8, с. 318].

С этими словами обращается капитан к собаке Чангу в рассказе И. Бунина. Неопределенность субъекта действия вовсе не требовала употребления мн. числа, в этом случае могло быть использовано предложение с подлежащим *неко* (*јер тамо неко већ зна да ти постојиш*).

— Прямо сердце зашло — до чего напугал! Я уж отвыкла, чтоб так хватали [14, с. 49]. — Срце ми је стало — колико си ме уплашио. Већ сам се одвикала да ме тако хватају [15, с. 47].

Переводчик совершенно неоправданно дает героине негативную характеристику. Ее слова могли бы быть переведены следующим образом: *Већ сам се одвикала да ме тако хваташ* (или, с сохранением неопределенности: *Већ сам се одвикала да ме неко тако хвата*).

— [...] Ревность — это неуважение к тому, кого любишь. Значит, меня не любят, если мне не верят, — сказала она, нарочно не глядя на Митю [8, с. 339]. — [...] Љубомора је непоштовање оног кога волиш. Кад ми не верују значи да ме не воле — рече она, намерно не гледајући у Митју (перев. М. Йовановича [9, с. 340]).

Форма мн. числа в переводе не адекватна оригиналу. Катя (из повести "Митина любовь") воспользовалась неопределенно-личным предложением обобщенного значения, чтобы сказать, что тот, кто ее любит, должен также и верить ей, при этом она нарочно не смотрит на Митю, чтобы показать, что это может быть и кто-нибудь другой (но не какие-нибудь другие — во мн. числе). Поэтому предложение это следовало бы перевести, употребив глагол в форме ед. числа: *Ко ми не верује, тај ме и не воли*.

Обобщенное значение имеет и неопределенно-личное предложение в следующем примере:

"Стареют, когда этого хотят", — говорят французы [12, с. 205]. "Остари се кад се хоће" — кажу французи [13, с. 310].
Говорят, что стареют, когда этого хотят. Неправда! Когда этого не хотят — еще больше стареют да још више стариш [13, с. 327]. [12, с. 215].

Из двух вариантов перевода лучше второй, особенно если вместо глагола *хтети* употребить глагол *желети*: *Човек стари кад то сам жели*.

5. Как видно из приведенных примеров, трудности возникают при переводе таких неопределенно-личных предложений, в которых субъект действия не совпадает с 3 л. мн. числа. При этом необходимо иметь в виду, что реальный субъект действия обнаруживается лишь в широком контексте. Контекстом, подсказывающим переводчику действительное значение той или иной грамматической категории, может быть одно предложение, группа предложений или весь текст. Поэтому необходимо ввести понятие достаточного контекста,

чтобы обозначить рамки минимального контекста, в котором можно определить значение какого-либо грамматического сегмента.

1) Достаточным контекстом может быть сверхфразовое единство, т.е. само неопределенно-личное предложение вместе с предыдущим предложением. Так, в следующем примере достаточным контекстом является вопросительное предложение в прямой речи и предшествующая ему фраза:

Я забыл сказать, что по дороге нас много раз спрашивали люди, которые видели, что везут гроб и за ним идет сравнительно большое количество людей:

— *Кого хоронят?*

— *Блока, — отвечали мы [16, с. 185].*

Заборавио сам да кажем да су нас уз пут много пута људи који су видели да се вози мртвачки сандук и да га прати релативно много света, питали:

— *Кога сахрањују?*

— *Блока — одговарали смо ми [17, с. 925—926].*

Здесь мы, по сути, встречаем два неопределенно-личных предложения. И в том, и в другом при помощи неопределенно-личной формы выделяется глагольное действие, в то время как субъект действия не выражен, во-первых, потому, что не он в центре внимания рассказчика, и, во-вторых, потому, что на него однозначно указывает контекст. В первом — *везут гроб* — субъект действия — 1 л. мн. числа ("возимо мртвачки сандук"³), а во втором — *Кого хоронят?* — 2 л. мн. числа ("Кога сахрањујете?"). Субъект действия — родственники и друзья Блока, устроившие похороны, а среди них — и сам рассказчик, Виктор Шкловский. Первое предложение переводчик перевел правильно — личной пассивной конструкцией, которая сохраняет неопределенность субъекта действия (предложение с указанием на реальное лицо было бы менее уместно), а второе предложение — неправильно, личной активной конструкцией с глаголом в форме 3 л. мн. числа. Ошибка переводчика в том, что он сохранил форму сказуемого, не задумываясь о реальном субъекте действия, на которого указывают элементы как широкого, так и узкого контекста. Это место необычайно трудно для перевода. Ни пассивная (*Ко се сахрањује?*), ни активная личная конструкция (*Кога сахрањујете?*) не соответствуют непринужденной речи в данной ситуации. Поэтому одним из возможных вариантов перевода в подобных случаях могло бы стать изменение грамматической и лексической структуры предложения: дополнение в переводе должно быть заменено составным именным сказуемым, включающим притяжательную форму (*кого? → чија је?*), а неопределенно-личная форма — однокоренным с глаголом существительным в функции подлежащего (*хоронят → сахрана*): *Чија је то сахрана?* Еще один возможный вариант — лексическая замена с объектно-субъектной трансформацией: *Ко је то умро?*

2) Достаточным контекстом может служить группа предложений:

Женщина, которую любил Маяковский, попросила, чтобы он принес книгу Блока с автографом. Не знаю, где сейчас этот автограф. Блок охотно написал автограф на книге "Седое утро". Маяковский взял книгу и со-

Жена коју је Мајаковски волео замолила га је да донесе Блокову књигу са аутограмом. Не знам где је сада тај аутограм. Блок је радо написао аутограм на књизи "Седо јутро". Мајаковски је узео књигу и спремио се

³ Не следует смешивать семантическую интерпретацию предложений ("возимо мртвачки сандук", "Кога сахрањујете?"), которая приводится, чтобы указать на действительное лицо субъекта действия, с возможными соответствиями в переводе (*да се вози мртвачки сандук, Чија је то сахрана?*). Мы подчеркиваем это потому, что Б. Чович, не различая формально-грамматический анализ неопределенно-личных предложений, их семантический анализ и анализ эквивалентов таких предложений в тексте перевода, о возможных вариантах перевода, одобренных или предложенных нами, по отношению к семантической, т.е. лингвистической интерпретации, говорит: «Иногда и сам автор в поисках вариантов корректирует свои выводы (скажем, вариант перевода предложения "Кого хоронят?" — "Чија је сахрана?")» [4, с. 126].

брался уходить. Стояли друг против друга двое, очень хорошо знающих друг друга, готовых друг для друга на жертву.

— Может быть, мы поговорим, если уж вы пришли? — сказал Александр Блок.

Владимир Маяковский ответил как очень молодой человек:

— Мне некогда: автограф ждут.

— Это хорошо, когда человеку некогда от любви, когда он торопится. Но нехорошо, что у нас нет времени друг для друга [16, с. 184].

В этом примере переводчик не понял, что в неопределенно-личном предложении *автограф ждут* не совпадают формальный и реальный субъекты действия. В оригинале субъектом действия является одно более или менее определенное лицо, хотя в сказуемом выступает форма мн. числа. Это женщина, которую любил Маяковский. В сербском переводе сказано — *аутограм очекују*, что указывает на несколько лиц. Здесь русское неопределенно-личное предложение следовало перевести конструкцией с определенным субъектом, так как субъектом действия является конкретное лицо: *Она (девојка) чека аутограм (посвету)*.

Надо подчеркнуть, что русское слово *автограф* имеет два значения: "собственноручная надпись или подпись" и "собственноручный авторский рукописный текст" [18]. Сербское слово *аутограм* обладает только первым значением, причем более узким, чем соответствующее русское: "собственноручная подпись" [19]. В приведенном отрывке контекст свидетельствует скорее о том, что слово *автограф* употреблено в значении "надпись", а не "подпись" (*Жена коју је волео Мајаковски замолила је да донесе Блокову књигу са посветом*). Наверное, Блок написал не безадресный, а обращенный ко вполне определенному человеку автограф. О том, что Блок знает, кто ждет Маяковского, можно судить по реплике: — *Это хорошо, когда человеку некогда от любви*. Субъект действия в предложении *автограф ждут* является для собеседника вполне определенной, конкретной особой, что, конечно, не значит, что собеседник (Блок) все знает о ней⁴.

3) Свои воспоминания о великом поэте Александре Блоке Шкловский завершает следующим образом:

Сейчас Блок лежит не на Смоленском кладбище, где его похоронили, а на Волковом, рядом с матерью, хорошей переводчицей, рядом с женой, Любовью Дмитриевной, дочерью Менделеева, художницей и артисткой [16, с. 186].

да оде. Стајали су један насупрот другоме, добро се познајући, спремни на жртву један за другога.

— Да поразговарамо, кад сте већ дошли? — рече Александар Блок.

Владимир Мајаковски одговори као веома млад човек:

— Немам времена: очекују аутограм.

— То је добро када човек од љубави нема времена, кад му се жури. Али није добро што немамо времена један за другога [17, с. 923].

Сада Блок не лежи на Смоленском гробљу, где су га сахранили, већ на Волковом, поред мајке, доброг преводиоца, поред жене Љубави Дмитријевне, Менделе[је]вљевој ћерке, сликарке и глумице [17, с. 927].

В этом примере достаточным контекстом является весь текст воспоминаний о последних днях Блока и его смерти. Из контекста видно, что Шкловский вместе с другими друзьями Блока принимал участие в его похоронах. Он рассказывает о том, как на обрывках бумаги они печатали обращение "Умер

⁴ О том, что в семантической интерпретации подобных предложений ошибаются не только переводчики, загипнотизированные их формальной структурой, но и "теоретики", свидетельствует пример Б. Човича: "возможно, этого автографа Блока ждали и родственники, друзья и т.д., и т.д. Возможностей масса, и все они логичны, так как возможными их делает категория неопределенно-личного предложения" [4, с. 125—126].

поэт Александр Блок", как расклеивали его на городских улицах, как он сам вместе с М. Шагинян ходил искать гипс ("Мы хотели сделать посмертную маску и в гипсе воспроизвести удивительные руки поэта"), как двигалось похоронное шествие по городским улицам. Из этого можно заключить, что субъект действия в неопределенно-личном предложении *где его похоронили* — 1 л. мн. числа ("где смо га сахранили") — ведь рассказчик и сам участвовал в событии — а не 3 л. мн. числа ("где су га сахранили"), что мы находим в переводе. Наиболее подходящей была бы здесь личная пассивная конструкция, так как она лучше всего передавала бы неопределенность оригинала в отношении субъекта действия: *Сада Блок не лежи на Смоленском гробљу, где је сахрањен...*

6. В настоящей работе мы до сих пор пытались методом сопоставительного анализа установить соотношение русских неопределенно-личных предложений и соответствующих сербских конструкций и на основе этого анализа выявить некоторые проблемы перевода таких предложений на сербский язык. Теперь мы могли бы конкретнее определить различия между сопоставительным изучением двух языков, с одной стороны, и теорией и практикой перевода — с другой. Сопоставительное исследование устанавливает соотношение отдельных элементов двух языковых систем в общем виде, выделяет глобальные типы эквивалентных функционально-смысловых структур в данных языках, в то время как теория и практика перевода изучает, наряду с общими, также и частные случаи перевода данных языковых элементов, принимая во внимание контекст и подтекст, пытаясь вникнуть во все нюансы смысла, вкладываемого писателем в высказывание (используя, естественно, средства языка перевода, т.е. переводную семантизацию). Сопоставительная грамматика может основываться на материале оригинальных произведений на двух языках, т.е. не ограничивается соотношением оригинал — перевод. Она является исходной основой для теории перевода с одного языка на другой, причем эта связь носит характер взаимодействия. Теория и практика перевода — источник бесценных примеров для корректировки, уточнения и дополнения выводов, к которым приходит сопоставительная грамматика. В частности, анализируя перевод неопределенно-личных предложений на сербский язык, мы пришли к выводу, что некоторые из этих предложений, если представление о субъекте действия отодвинуто на второй план, а глагол имеет дополнение со значением лица, на сербский язык могут быть адекватно переведены составным именным сказуемым с притяжательной формой. Например:

(1) <i>Как тебя зовут?</i>	<i>Како је твоје име?</i>
	<i>(Како ти је име?)</i>
(2) <i>Кого хоронят?</i>	<i>Чија је то сахрана?</i>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грамматика русского языка / Ред. коллегия: Виноградов В.В., Истрина Е.С. Т. II. Ч. 2. М., 1960.
2. Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Шведова Н.Ю. М., 1970. С. 564.
3. Маројевић Р. Проблеми преводње руских неодређено-личних реченица на српскохрватски језик // Мостови. 1976. № 2 (26). С. 97—98.
4. Савић В. Уметност или занат (о неким аспектима преводње) // Zbornik radova Instituta za strane jezike i književnosti. Sv. 3. Novi Sad, 1981.
5. Маројевић Р. О неодређено-личним реченицама у руском језику и проблемима њиховог преводњења (поводом једне лингвистичке интерпретације) // Зборник за филологију и лингвистику 1983. Т. XXVI/2.
6. Русская грамматика / Гл. ред. Шведова Н.Ю. Т. II. М., 1980. С. 356.
7. Стевановић М. Савремени српскохрватски језик: Граматички системи и књижевнोजезичка норма. Књ. II. Београд, 1969. С. 84.
8. Бунин И. Стихотворения. Рассказы. Повести. М., 1973.
9. Бунин И. Песме и приповетке. Београд — М., 1976.

10. *Окуджава Б.* Путешествие дилетантов. М., 1980.
11. *Окуджава Б.* Путовање дилетаната / Прев. Јакшић Д. Београд, 1980.
12. *Каверин В.* Избр. произведения: В 2-х т. Т. I. М., 1977.
13. *Kaverin V.* Pred ogledalom / Prev. Nikolić M. Beograd, 1977.
14. *Распутин В.* Повести. М., 1978.
15. *Rasputin V.* Živi i pamti / Prev. Milošević B. Beograd, 1979.
16. *Шкловский В.* Вѣмя смерти Александра Блока // Знамя. 1961. № 11.
17. *Šklovski V.* Vreme smrti Aleksandra Bloka / Prev. Subotin L. // Delo. 1962. T. VIII.
18. Словарь русского языка. 2-е изд. Т. I. М., 1981. С. 22.
19. Речник српскохрватскога књижевног језика. Књ. I. Нови Сад — Загреб, 1967. С. 110.